

Николай Бердяев

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ

УДК 1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б48

Бердяев, Н.

Б48 Константин Леонтьев / Н. Бердяев. – М. : T8RUGRAM,
2018. – 252 с.

ISBN 978-5-519-62917-1

Имя Николая Александровича Бердяева (1874–1948) – выдающегося христианского и политического мыслителя, проповедника философии личности и свободы в духе религиозного экзистенциализма и персонализма – вписано в историю не только русской, но и мировой культуры.

Всесторонний анализ творческого наследия известного писателя-социолога К.Н. Леонтьева, приведённый Н. Бердяевым в данной книге, в частности, философских, религиозных и политических убеждений, в сочетании с великолепными страницами судьбы мыслителя, позволит читателю перенестись в атмосферу XIX века и взглянуть на мир глазами гениальных людей той эпохи.

УДК 1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC HP
BISAC JNF040000

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I. Происхождение. Молодость в Москве. Натурализм и эстетизм. Любовь. Начало литературной деятельности. Служба в Крыму. Искание счастья в красоте	5
ГЛАВА II. Дипломатическая служба на Востоке. Экзотика Востока и буржуазность Запада. Повести «Из жизни христиан в Турции», «Египетский голубь». Греко-болгарский вопрос. Религиозный переворот. Афон. Возвращение в Россию	41
ГЛАВА III. «Византизм и славянство». Натуралистический характер мышления. Философия истории и общества. Три периода развития. Либерально-эгалитарный процесс. Аристократическая мораль. Эстетическое учение о жизни	75

ГЛАВА IV. Стремление к монашеству. Борьба эстетики и аскетики. Нужда. Болезни. Жизнь в Москве. Оптина Пустынь. Принятие тайного пострига. Смерть. Духовное одиночество и непризнание. Отношения с Вл. Соловьёвым. Отношение к русской литературе	121
--	-----

ГЛАВА V. Учение о миссии России и славянства. Самобытный тип культуры. Критика национализма. Византизм. Неверие в русский народ. Предсказания о русской революции	169
---	-----

ГЛАВА VI. Религиозный путь. Дуализм. Пессимизм в отношении к земной жизни. Религиозная философия. Филаретовское и хомяковское православие. Отношение к католичеству. Трансцендентная религия и мистика. Натурализм и Апокалипсис. Отношение к старчеству. Отношение к смерти. Заключительная оценка	211
---	-----

ГЛАВА I

*Происхождение. Молодость в Москве.
Натурализм и эстетизм. Любовь.
Начало литературной деятельности.
Служба в Крыму. Искание счастья в красоте*

I

Константин Николаевич Леонтьев — неповторимо-индивидуальное явление. Нужен особый вкус, чтобы полюбить и оценить его. Хорошо говорит о нём В. В. Розанов: «Он как не имел предшественников (все славянофилы не суть его предшественники), так и не имел школы. Я, впрочем, наблюдал, что вполне изолированный Леонтьев имеет сейчас, и, вероятно, всегда имел и будет иметь, два-три, много двадцать-тридцать, в стране, в цивилизации, в культуре, настоящих поклонников, хранящих „культ Леонтьева“, понимающих до последней строчки его творения и предпочитающих его „литературный портрет“ всем остальным в родной и в неродных литературах». Трудно отыскать К. Леонтьева на большой дороге, на основной магистрали русской общественной мысли. Он не принадлежит ни к какой школе и не основал никакой школы, он не характерен ни для какой эпохи и ни для какого течения. Он ни за кем не следовал, и никто за ним не следовал. Он много писал на политические злобы дня, страстно относился к самым жизненным историческим задачам своего времени, но не имел влияния, несмотря на признанный огромный дар свой, и остался одиноким, непоня-

тым, никому не пригодившимся, интимным мыслителем и художником. В почти злободневные, политические статьи свои К. Леонтьев вложил самые интимные свои мысли, предчувствия и прозрения. Леонтьевский подход к вечным темам через слишком временные остался чуждым и непонятным «правому» лагерю, к которому он был формально и официально близок, и ненавистен и отвратителен лагерю «левому». И опять хорошо говорит об этом Розанов: «Западники отталкивают его с отвращением, славянофилы страшатся принять его в свои ряды — положение единственное, оригинальное, указывающее уже самую необычайностью своею на крупный, самобытный ум; на великую силу, место которой в литературе и истории нашей не определено...» Всё творчество К. Леонтьева насыщено волей к власти и культом власти. Но в жизни оставался он самым безвластным человеком. Он знает лишь эстетику власти, а не действительную власть. Он был одинок, не понят и не признан потому, что он был первым русским эстетом. В его время эстетизм был чужд в России всем направлениям.

Когда вникаешь в образ К. Леонтьева и в судьбу его, иногда кажется, что он был так мало понят, так мало оценен, так одинок у себя на родине, потому что много было в нём нерусских черт, чуждых русскому чувству жизни, русскому характеру, русскому мирозерцанию. Он пишет в одном из своих писем, что *думает не о страдающем человечестве, а о поэтическом человечестве*. Это равнодушие к «страдающему человечеству» и это искание «*поэтического человечества*» не

могло не показаться чужим и даже отталкивающим широким слоям русской интеллигенции. К. Леонтьев не был гуманистом или был им исключительно в духе итальянского Возрождения XVI века. Он должен был казаться русскому обществу чужестранцем уже из-за своего острого и воинствующего эстетизма. Эстеты появились у нас лишь в начале XX века, но и то по подражанию, а не по природе, по «направлению», а не по чувству жизни. К. Леонтьев был также романтиком. Романтизм — западное явление, рожденное на католической и протестантской духовной почве, чуждое православному Востоку. У К. Леонтьева был культ любви к женщине, которого почти не знают русские. У него была латинская ясность и четкость мысли, не было никакой расплывчатости и безгранности. В мышлении своем он был физиолог и патолог. И это — черта, чуждая русским и не любимая ими. К. Леонтьев был аристократ по природе, по складу характера, по чувству жизни и по убеждению. И это не русская в нём черта. Русские — демократичны, они не любят аристократизма. Славянофилы были очень типичными русскими барями-помещиками, но в барстве их не было ничего аристократического. Аристократизм есть явление западное. Почти все русские писатели, русские мыслители прошли через увлечение народнически-демократическими идеями, этими идеями пленялись у нас и слева и справа. К. Леонтьев был совершенно чужд народнически-демократических увлечений, в его душе не было тех струн, которые пробуждают народолюбивые чувства и склоняют к демократическим идеям.

В этом отношении с Леонтьевым можно сравнить лишь Чаадаева, который также прожил всю жизнь одиноким чужестранцем. Но парадоксально и оригинально в Леонтьеве то, что при такой совокупности свойств он всегда хотел держаться *русского* направления, и поэтому его по недоразумению зачислили в славянофильский лагерь. Он, конечно, никогда не был славянофилом и во многом был антиподом славянофилов. Но он не был и западником, подобно Чаадаеву. Он не принадлежит никакому направлению и никакой школе. Он не типичен и не характерен, как типичны и характерны славянофилы, как типичны и характерны в другом отношении русские радикальные западники, — он сам по себе. Он человек исключительной судьбы. К. Леонтьев принадлежит к тем замечательным людям, для которых основным двигателем является не потребность дела, служение людям или объективным целям, а потребность разрешить проблему личной судьбы. Он занят самим собой перед лицом вечности. Поэтому он не находит себе места, меняет профессии, не может ни на чем успокоиться. Он то врач, то консул, то литератор, то цензор, то монах. Он решает объективные вопросы в связи с субъективным вопросом своей судьбы. Стиль его жизни, стиль его писаний совершенно объективный. Он из тех, для кого субъективное и объективное отождествляется. Такие люди особенно интересны. Вот как характеризует он стремления своей юности: «Мне было тогда двадцать три года; я жил личной жизнью воображения и сердца, искал во всём поэзии, и не только искал, но и *находил* её. Я желал и при-

ключений, и труда, и наслаждений, и опасностей, и энергической борьбы, и поэтической лени...» Розанов имел основания сказать о К. Леонтьеве: «Он отличался вкусами, поэтами, гигантски-напряжёнными к *ultra-биологическому*, к *жизненно-напряжённому*. Его «эстетизм» был синонимичен, или, пожалуй, вытекал или коренился на *антисмертности* или, пожалуй, на *бессмертии красоты*, прекрасного, прекрасных форм». Вся жизнь К. Леонтьева распадается на две половины — до религиозного переворота 1871 года и после религиозного переворота. И в первую и во вторую половину жизни он решает проблему личной судьбы. Но в первую половину жизни он решает эту проблему под знаком искания счастья в красоте, искания «*ultra-биологического*», «*жизненно-напряжённого*». Во вторую половину жизни он решает эту проблему под знаком искания спасения от гибели. *Эстетическая упоенность жизнью и религиозный ужас гибели — вот два мотива всей жизни К. Леонтьева*. Инстинкт «анти-смерти» и «бессмертия красоты» действует и в том и в другом жизненном периоде.

II

Национальные, сословные, семейные инстинкты и традиции преломляются в неповторимой индивидуальности, и так создаётся человек. Органическая наследственность человека, его происхождение, предания, которыми окружено его детство, — всё это не случайные оболочки человека, не наносное в нем, от чего он может и должен совершенно освободиться, всё

это — глубокие связи, определяющие его судьбу. Не случайно Константин Леонтьев родился дворянином, как не случайно он родился русским. Связь его с предками не была случайной эмпирической связью, она имеет отношение к глубочайшему ядру его жизни. К. Леонтьева нельзя себе иначе представить, как русским барин, барин не только по физическому, внешнему его облику, но и по внутреннему, духовному его облику. Без барства Леонтьева, без аристократических его инстинктов непонятна вся его судьба и необъяснимо всё его мирозерцание. Он духом своим принадлежит своей родине и своему роду. Большие, творческие люди перерастают род свой, выходят из быта своего, но они предполагают в роде и в быте почву, их питавшую и воспитавшую. А. Толстой невозможен вне вскормившего и вспоившего его дворянско-помещичьего быта, вне того рода, против которого он восстал с небывалым радикализмом. Дворянин может восстать на дворянство, барин может дать негодующую и уничтожающую критику барства, но он делает это по-дворянски и по-барски. А. Толстой так же до конца остался барин, в своем отрицании барства, как К. Леонтьев в своем утверждении.

Константин Николаевич Леонтьев родился 13 января 1831 года в селении Кудиново Мещовского уезда Калужской губернии. По его словам, родился он, как и Вл. Соловьёв, на седьмом месяце. Отец его, Николай Борисович, был ничем не замечательный человек и никакого влияния на сына своего не оказал. Подобно